

Тот день в кузнице был особенно душным и жарким.

Когда входная дверь закрылась, в помещении почти не осталось света, проникающего извне. Единственным источником освещения оставался только что разожженный уголь в печи, пламя которого, разгораясь, отбрасывало теплый, красноватый свет.

Вокруг царили черные и серые тона — от угрюмого интерьера до одежды самого Цю Хэняня, который носил темное, немаркое одеяние. Но на этом фоне выделялось нечто совершенно несоответствующее этой обстановке: тело, которое он крепко прижимал к себе. Оно было светлым, почти сияющим, словно из другого мира.

Бледная кожа блестела от выступивших капелек пота, достаточно было легкого прикосновения, чтобы оставить красные следы. Ладонь, казалось, прилипала к этой коже, как будто сама природа запрещала отпускать ее даже на мгновение.

Жесткость и мягкость, запах ржавого металла и сладкий аромат, грубость и нежность — контрасты сливались в резкие, невыносимо противоречивые ощущения трения и столкновения.

Цю Хэнянь не знал, в какой момент потерял контроль над собой. Все происходящее казалось ему трансформацией — он стал диким зверем, лишенным разума и ведомым только инстинктами. В нем бурлило неукротимое желание захватывать, подчинять, оставлять свою отметину, стирая все следы чужой воли. Он хотел сделать это тело исключительно своим, привязать к себе навечно.

Но в глубине его сознания сохранялся слабый огонек ясности. Он слышал, как Цин Янь хрипло плачет, умоляет его остановиться. Чувствовал, как тело в его объятиях дрожит и отчаянно сопротивляется.

Однажды Цин Яню даже удалось вырваться из его рук. Цю Хэнянь помнил, как в ту же секунду, словно голодный волк с безумным от жажды взглядом, он рывком догнал его и снова крепко схватил, прижав к себе.

Цин Янь зарыдал сильнее, его тело содрогалось от страха, а голос срывался на мольбы. Но ответ Цю Хэняня был неожиданно мягким, почти нежным:

— Цин Янь, пусть твой муж позаботится о тебе, хорошо?

Однако он не мог себя контролировать. Когда его разум наконец прояснился, тело Цин Яня обмякло и безжизненно лежало на холодном полу.

Цю Хэнянь попытался поднять его, но обнаружил, что руки и ноги Цин Яня вялые, словно лишены сил. На мгновение страх сковал Цю Хэняня, его глаза налились кровью. Он дрожащими руками снова попытался взять Цин Яня на руки. Только когда он услышал слабое

дыхание и понял, что холод был вызван ледяным полом, его бешено колотившееся сердце начало успокаиваться.

Он положил Цин Яня на кровать, закутав его в теплые одеяла, и обхватил его руками, стараясь вернуть ему тепло собственным дыханием и теплом.

Закрывая глаза, Цю Хэнянь не мог избавиться от образа того ужасного зверя, грызущего это прекрасное тело.

Цю Хэнянь снова потерял контроль над собой, и на этот раз все оказалось куда хуже, чем в первый. С мучительным чувством вины он ухаживал за Цин Янем, мысленно готовясь к тому, что, когда тот придет в себя, его ждут обвинения, ненависть или, возможно, окончательный разрыв. Он не исключал, что страх заставит Цин Яня навсегда уйти.

Однако, когда Цин Янь проснулся, он, казалось, не помнил самых страшных моментов. Тем не менее, Цю Хэнянь понял, что воспоминания не исчезли полностью: Цин Янь начал избегать любой близости, словно боялся чего-то.

В тот вечер, когда Цин Янь напился, Цю Хэнянь воспринял это как подходящий момент, чтобы проверить свои догадки. Ночь принесла ответ, но он оставил за этим многоточие.

На следующий день Цин Янь проснулся поздно. Последнее, что он помнил, — как покачиваясь, прощался с У Цюнянь и другими, а затем с помощью Цю Хэняня добрался до кровати в задней комнате.

Утром его мутило, он держался за голову и неоднократно повторял:

- Выпивка — дело гиблое.

Дома никого не было. В наружной комнате на плите оставили горячую кашу и закуски, которые томились на слабом огне. Цин Янь поел, и горячая каша согрела его желудок, немного уняв недомогание.

Позавтракав и убрав посуду, он открыл дверь мастерской Кузнеца Вана. Едва войдя, он уловил горьковатый аромат. Но когда он попытался сосредоточиться и понять, откуда этот запах, он будто исчез.

Покачав головой, Цин Янь решил, что это остатки алкоголя помешали его обонянию, и, не придавая значения, сел за стол, чтобы попрактиковаться в каллиграфии.

В следующие несколько дней Цин Янь заметил, что с его мужем творится что-то странное.

По ночам, случайно прикоснувшись к Цю Хэняню, он обнаружил, что его тело горело и было покрыто потом. Тот стал часто ворочаться, хмурить брови и спал крайне беспокойно.

Днем же лицо Цю Хэняня выглядело утомленным, под глазами проступили темные круги. На вопрос Цин Яня о самочувствии Цю Хэнянь лишь отмахивался, утверждая, что это из-за большой загруженности в кузнице, и как только дела утихнут, все придет в норму.

Но больше всего Цин Яня настораживал сильный горьковатый аромат, который исходил от Цю Хэняня. Днем запах почти не ощущался, но ночью, особенно когда волосы Цю Хэняня становились влажными от пота, аромат становился слишком явным.

Цин Янь был уверен, что это запах травяных лекарств. Однако он не стал спрашивать прямо. Он помнил, какой уклончивый ответ Цю Хэнянь дал ему в прошлый раз, и решил, что повторный вопрос, скорее всего, ни к чему не приведет.

Через два дня, дождавшись, когда Цю Хэнянь отправится в город за закупками, Цин Янь направился в кузницу. На следующий день он взял повозку семьи Лю Фа и съездил в соседнюю деревню.

Вернувшись, он решил не откладывать разговор. Он приготовил ужин, оставил его в горячем виде на плите и сел за стол в наружной комнате, ожидая.

Цю Хэнянь, всегда отличавшийся чуткостью, вошел в дом, бросил на Цин Яня быстрый взгляд, снял верхнюю одежду, вымыл руки и молча сел рядом с ним.

Цин Янь не поднял на него глаз, но заговорил прямо:

— Остатки трав, которые ты варил в кузнице, я отнес к врачу из соседней деревни.

Рука Цю Хэняня, лежавшая на столе, слегка дернулась. Цин Янь, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Оба рецепта — его работа. Ты принимал первое средство какое-то время, но не заметил результата. Тогда ты попросил его прописать тебе второе.

Губы Цю Хэняня дрогнули, но он выдавил из себя лишь короткое:

— Да.

Цин Янь закрыл глаза, стараясь сдержать эмоции, готовые вырваться наружу. Глубоко вздохнув, он спросил:

— Он не хотел менять рецепт. Почему ты настоял на том, чтобы он выписал тебе второе лекарство?

Цю Хэнянь опустил взгляд на пустую поверхность стола. Его веки слегка дрогнули, и он, словно стараясь найти слова, наконец тихо ответил:

— Потому что я торопился.

— Торопился? — голос Цин Яня звучал на грани, хотя он старался сохранять холодное спокойствие. — С чем именно?

На этот раз Цю Хэнянь промолчал.

Цин Янь положил руки на колени, постепенно сжав их в кулаки.

- Первое лекарство действует медленно, его эффект слаб, но оно щадящее. Второе же — быстрое, но слишком сильное. Если принимать его в избытке, оно может повредить основы здоровья, — голос его начал дрожать, — И даже укоротить жизнь.

- Тот лекарь тогда все это тебе объяснил? — Цин Янь повернул голову к сидящему рядом человеку, в глазах его блеснули слезы, отчего веки покраснели.

Цю Хэнянь слегка кивнул:

- Да.

Услышав этот ответ, Цин Янь почувствовал, как в груди поднялась горькая волна.

Он помнил слова того лекаря до мельчайших деталей.

Цю Хэнянь обратился к тому старому лекарю за помощью, но тот так и не смог выявить никаких явных симптомов болезни. Этот старик раньше держал аптеку в уезде, но, состарившись и ослабев, вернулся в деревню. Его врачебное искусство было широко известно в округе, и если даже он не мог найти причину, то другие лекари, тем более, вряд ли смогли бы помочь.

Однако проблему все равно нужно было решать. Лекарь, внимательно выслушав жалобы Цю Хэняня, долго ломал голову и, наконец, выписал ему отвар, который хоть и не устранял корень проблемы, но должен был постепенно облегчить состояние. По его словам, спустя полгода или год приема, после успокоения духа и снятия внутреннего жара, могли бы появиться улучшения.

Но Цю Хэнянь решил обратиться к нему еще раз, попросив выписать средство с более быстрым эффектом. Лекарь предупредил его, что этот второй отвар крайне силен, а злоупотребление им может нанести непоправимый вред здоровью. Однако Цю Хэнянь все же настоял и несколько дней пил это лекарство по рецепту. Сила его действия была столь велика, что это не ускользнуло от внимания Цин Яня.

Подумав об этом, Цин Янь тоже слегка кивнул и сказал:

- Ты хочешь знать, о чем я думаю? Ты боишься, что мне нужно только твое тело. Боишься, что я, будучи моложе тебя, жажду лишь плотской близости, и опасаясь, что, не выдержав, однажды просто уйду. Так ведь?

Цю Хэнянь сжал пальцы в кулак и вдруг коротко ответил:

- Да.

Цин Янь больше не смог сдержаться — слезы покатались из его глаз.

- Я говорил, что люблю тебя. Ты мне не веришь?

Цю Хэнянь опустил взгляд и покачал головой:

- Я этого не заслуживаю.

С грохотом стул упал на пол, когда Цин Янь резко встал. Цю Хэнянь тоже поднялся, и они оказались лицом к лицу.

Цин Янь, захлебываясь слезами, сказал:

- Ты причинил мне такую боль, но я не держу на тебя зла. Я люблю тебя, поэтому хочу быть ближе к тебе. Даже если бы мы никогда не занимались этим, я все равно не хочу, чтобы ради этого ты вредил своему здоровью.

Цю Хэнянь, который все это время держал взгляд опущенным, наконец поднял глаза. Его взгляд был одновременно жгучим и сдержанным.

- Но я хочу.

- Что? — Цин Янь не понял его слов и, со слезами на глазах, вскинул голову, глядя на него.

Цю Хэнянь сделал шаг вперед, не касаясь его, но словно накрывая своим взглядом все его

тело. Этот взгляд был почти осязаемым, будто дотрагивался до каждой части его кожи.

Его кадык дернулся, и голос стал низким:

- Я думаю об этом каждую ночь.

Цин Янь застыл, глядя на него, а затем его щеки медленно залились румянцем. Он резко отвернулся, его голос почти утонул в горле:

- Но это не должно вредить твоему здоровью. Должен быть другой способ.

Цю Хэнянь покачал головой:

- Ты забыл, что случилось в тот день в кузнице? Я чуть не убил тебя.

Цин Янь быстро глянул на него, а затем снова отвернулся, тихо ответив:

- Я не забыл. Просто притворился, что забыл.

На лице Цю Хэняня явно отразилось потрясение. Он смотрел на Цин Яня, слушая, как тот говорит:

— Я не хочу, чтобы наше общение доставляло тебе какое-либо бремя.

Цю Хэнянь долго смотрел на Цин Яня, но тот лишь поднял рукав и вытер лицо, сказав:

— Все проголодались. Давай ужинать.

На ужин была рыба в соевом соусе, свинина с картофелем и суп с замороженным тофу и ламинарией.

Последние несколько дней они питались довольно хорошо, но погода становилась все теплее, снег за окном уже не мог сохранять продукты свежими, поэтому все следовало съесть как можно быстрее.

За ужином оба почти не разговаривали. Единственный момент общения возник, когда Цю Хэнянь переложил кусок рыбного филе в чашку Цин Яня, а тот вернул ему половину.

После ужина, убрав все со стола, они, как обычно, перед сном читали книги. Закончив чтение, Цин Янь не позволил Цю Хэняню потушить свет. Он схватил его за руку и спросил:

— После закупки в городе сколько серебра у нас осталось?

Цю Хэнянь немного подумал и ответил:

— Меньше шести лян.

Цин Янь продолжил:

— Дом ведь на мне, верно?

Цю Хэнянь кивнул, не сомневаясь:

— Да.

Цин Янь протянул ему ладонь:

— Тогда отдай мне оставшиеся серебряные ляны.

Цю Хэнянь, повинувшись, встал, достал из складок своей одежды серебро и передал его. Получив деньги, Цин Янь тоже поднялся, открыл ящик под кроватью и положил их туда.

В большинстве семей деревни хозяйство вела жена. Если муж выходил из повиновения, его могли за ухо поставить на место. Раньше Цин Янь считал, что это унижает достоинство мужчины, но теперь он понял: в этом есть своя правда.

Когда лампа была потушена, оба легли в кровать. Цин Янь, сделав вывод, сказал:

— Мужчинам действительно нельзя оставлять деньги в карманах. Как только появляются деньги, сразу начинаются странные выдумки!

Цю Хэнянь промолчал:

— ...

Цин Янь повернулся и устроился в объятиях мужчины, прошептал ему на ухо:

— С этим делом мы будем разбираться постепенно. Но впредь никаких лекарств без разрешения! Еще раз такое повторится — я прищучу тебя за ухо прямо перед Саньяо! Посмотрим, как ты, будучи его вторым братом, будешь потом держать лицо перед ним!

<http://bllate.org/book/13590/1205187>